

Глава 2
ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
XIII-XIV ВВ.

ХАРАКТЕР ЭПИТАФИИ И ШКОЛЫ РЕЗЬБЫ ПО КАМНЮ

Эпиграфические памятники Волжской Булгарии охватывают период XIII-XIV вв. Хотя в научной литературе и имеется упоминание об эпитафии 1173 г. (Журнал 1770, 21), к этому сообщению надо отнестись критически, тем более что отсутствуют какие-либо текстовые материалы, подтверждающие указанную дату.

Когда-то у древних булгар, как и у древних турков, над погребениями, видимо, ставились символы человеческого изображения для погребально-поминальных обрядов (ср. тат. сынташ и башк. һынташ 'каменная баба', ташбилге и ташбилде 'каменный знак', тат. тораташ 'каменное изваяние; небольшая скала', чув. палля// палля 'знак, примета, показатель, обозначение', палляк (уст.) 'памятник', шля 'надмогильный столб'), в которых вначале отсутствовал текстовый материал. Когда появилась традиция устанавливать каменные памятники с надписями — сказать трудно. Из всех известных науке эпитафий волжских булгар самой древней является надпись 1244 г., исследованная Г. Ахмаровым, но не сохранившаяся до наших дней (120, 190. احراف — см. также с. 89 данной работы), а из сохранившихся — надпись 1271 г., которая хранится в Болгарском государственном историко-архитектурном заповеднике. Массовое распространение мусульманской лапидарной эпиграфики по времени совпадает с золотоордынским периодом в истории Волжской Булгарии, и вполне можно допустить, что эти два явления каким-то образом между собой взаимосвязаны.

В свое время А. Г. Мухамадиев (1980, 128-130) пытался провести параллель между воспарением на престол хана Туда-Менгу (1280-1287) и появлением первых эпиграфических памятников на своеобразном языке с ротацизмом. По его мнению, еще при хане Берке (1257-1266) в Волжскую Булгарию могли проникнуть отдельные черты ортодоксального ислама, которые при Туда-Менгу (в годы феодальной смуты) стали использоваться для завуалированной борьбы булгар против власти монгольских ханов. Оказывается, ортодоксальный ислам мог существовать среди шейхов и благочестивцев, окружавших хана, свидетельством чего и служат надмогильные камни, оставленные приверженцами этого направления религии. Конечно, любые гипотезы, чтобы считаться хотя бы рабочими гипотезами, требуют веских доказательств, иначе они будут считаться лишь плодом фантазии. Синонимически употребленные автором термины "ислам" и "ортодоксальный ислам" совершенно

но не раскрыты, хотя по своей сущности они могут быть различными.

Как известно, в Волжской Булгарии ислам стал официальной религией с X в. И если бы в XIII в. стал проникать ислам другого толка, то такое явление обязательно нашло бы отражение в исторической литературе, но этого нет. По сути дела ортодоксальный ислам является не новой религией, а направлением ислама, догматически придерживающимся его канонов. Так что, если даже его последователи (то есть мухаккимы) и стали политической силой в Волжской Булгарии (это допущение само требует серьезных доказательств), оно никак не могло отразиться на выборе языка эпитафий, по крайней мере, на оформлении плит кораническими формулами. Языком надмогильных памятников мог выступать язык Корана, язык предков или же литературный язык той эпохи - все зависело от социолингвистической ситуации. Таким образом, выбор языка надмогильных памятников, которые считаются вечной памятью усопшему, не является следствием борьбы за ханский трон в Золотой Орде .

Устанавливание эпитафических памятников на могилах должно быть связано с развитием каменного строительства в Волжской Булгарии, точнее с архитектурной декорировкой. Нахождение армянских могильных плит 1218, 1308, 1321 гг. и т. д. у "Греческой палаты" на Болгарском городище, указывает на пребывание армянских мастеров (носителей лучших традиций резьбы по камню) и в Булгарии¹. Поэтому не совсем верным будет утверждение, что "мусульманская религия и сопутствующая ей эпитафическая традиция болгаро-татарского типа была привнесена в Болгарский улус волной золотоордынских мусульманских переселенцев, но не раньше" (Егоров 1984, 95).

В третьей четверти XIII в. эпиграфические памятники стали появляться как в Закамье² - в центральных районах государства, так и в Заказанье³. С начала XIV в. памятники начинают ставиться по всей территории Волжской Булгарии. Все это, на наш взгляд, говорит о том, что в данный период начинается массовое изготовление надмогильных памятников с разнообразной орнаментацией, шрифтом и т. д., которое никак нельзя объяснить зарождением искусства резьбы по камню и каллиграфии только лишь

¹ Эпиграфические памятники на армянском языке имеются и в других местах, - подробнее см.: Джанполадян 1984, 73-79. Ранее в литературе была принята более ранняя датировка некоторых армянских надписей из Болгарского городища, например 1108, 1121 гг., однако Р. М. Джанполадян считает, что при определении дат были допущены ошибки.

² Найдены в Болгарском городище и в с. Ямбухтияно Куйбышевского р-на ТАССР.

³ В с. Русский Урмат Высокогорского р-на ТАССР (см. Калинин, Халиков 1954, 99-100; Юсупов 1960, табл. I) и в Казани (مرجانی ۱۸۶۷; Ашмарин 1905, 92-112).

в указанное время. Как показывает сравнительный анализ свыше четырехсот эпиграфических памятников, в то время в Волжской Булгарии существовало по крайней мере три центра по изготовлению надгробий и ведущим являлась Булгарская школа резьбы по камню (Мухаметшин, Хакимзянов 1980, 33-34). Наряду с общими элементами для всех центров, каковыми считаются форма памятника, мера длины (локоть), стрельчатая арка, структура текста и состав лексики, в них имеются различные стилистические и типологические приемы оформления памятников. Чем дальше от политических и экономических центров, тем сильнее чувствуется разнообразие деталей и элементов оформления.

Один из центров резьбы по камню функционировал в пределах бывшего Буковитинского княжества в Закамье, о чем свидетельствуют эпиграфические памятники, находящиеся близ с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР. Рядом с селом расположено "кладбище мюридов (то есть последователей духовного руководителя)" со множеством камней без надписей, выложенных по периметру могил. А на втором, "ханском кладбище", сохранились свыше десяти как хорошо обработанных, изящных, так и более простых стел с невысокой аркой и с орнаментальным комплексом солярного характера (см. Хакимзянов 1978, II2-II7, I30-I31, I34-I35, I66-I67 и др.). Недалеко от села обнаружено булгарское городище, называемое местным населением "кала уртасы" (то есть центром города), что указывает на некогда существовавший здесь древний город. К этой школе резьбы по камню следует отнести памятники из сел Старая Татарская Киреметь, Новое Демкино, Старые Савруши Аксубаевского р-на ТАССР (см. в "Приложении" рис. I6).

В связи с походом русских князей на булгарские земли в XIV в. в летописях упоминается г. Кирменчук. С этим городом связаны два старинных кладбища близ с. Средние Кирмени Мамадышского р-на ТАССР. На одном из них, "ханском", сохранились 14 эпитафий, на втором памятников нет. На "ханском кладбище" с. Нижние Яки - 26 памятников с надписями булгарского периода. Многие памятники этого региона с полукруглым верхом, не блещут каллиграфией, орнаментальными деталями, и единственным их украшением служит розетка солярного характера. Из всех известных памятников только на этих подбуквенные и надбуквенные точки делались сверлением круглым предметом (см. Юсупов 1960, табл. 24-28, 32, 34-36, 47; Хакимзянов 1978, рис. 4, I4, I9, 22, 24).

Видимо, первоначально центром по изготовлению надмогильных памятников была столица государства г. Булгар, где сложилась своеобразная школа резьбы по камню (подробнее см. Мухаметшин, Хакимзянов 1980, 33-34). Со временем выработался определенный стереотип, который в обязательном порядке применялся мастерами-резчиками в пределах Волжской Булгарии.

В языковом отношении все эпиграфические памятники можно разделить на три группы: на арабском языке, на тюркском р-языке и на тюркском

э-языке. Исходя из диалектных признаков, тюркоязычные памятники были условно разделены на т-, дж- и й-диалектные, причем первые две группы составляли р-язычную группу эпитафий. Использование термина "диалект" было оправдано для дифференциации только этой группы текстов. Что касается й-диалекта, то была выдвинута гипотеза об отражении им письменной формы общезначимого койна, а не разновидности языка, ограниченной территориальными или какими-либо другими рамками, то есть в данном случае термин "диалект" употреблялся в своем расширенном значении (Хакимянов 1978, 21-22).

Для нас весьма важно то обстоятельство, что все названные группы памятников относятся к одному и тому же хронологическому отрезку и они не соотносятся с указанными центрами по изготовлению надмогильных плит в языковом отношении. Показательно лишь более компактное расположение памятников на дж-диалекте в бывшем Жукотинском княжестве. В связи с этим уместно остановиться на одном спорном вопросе.

Нередко исследователи в целях подтверждения каких-либо своих воззрений генетического порядка приводят количественный подсчет памятников с тем или иным языковым признаком. Так, Н. А. Андреев (1956, 244), разделяя памятники на имеющие чувашские и татарские элементы, писал: "Эпиграфические же памятники с татаризмами (вернее с кыпчак-татаризмами) появляются несколько позже, в первой четверти XIV века, и относятся к этому веку небольшое число".

Высказывание Г. В. Юсупова (1960, 59) о наличии более 200 эпитафий с р-признаком, что составляло 90% всех известных памятников Волжской Булгарии, было подхвачено некоторыми исследователями без должного осмысления и на этой основе делались этногенетические выводы. "Важнейшей аргументацией утверждения об определяющей роли болгарского компонента в этногенезе чувашей являются данные языка - прежде всего эпитафии на позднеболгарских надмогильных плитах XIII-XIV вв., - утверждал В. Д. Дмитриев (1984, 47). - Их сохранилось свыше 200. Из них 90 % содержат чувашские слова (с ротацизмом) и всего 10% - татарские слова (с зетацизмом)" (см. также: Дмитриев 1957, III-II2; Федотов 1979, I4-I5). Не затрагивая этногенетическую проблему (она не входит в нашу задачу), можно сказать следующее: цифровая аргументация могла бы иметь научную ценность только при соблюдении основного условия, а именно при соблюдении положения о том, что всякий конкретный метод научного познания имеет определенные рамки и границы применения. И при их выборе необходимо исходить из конкретных положений и условий. Статистический подсчет требует, в первую очередь, знания общего числа памятников, и только тогда можно выводить проценты. А между тем более чем из 400 (а не 200!) зафиксированных эпитафий этого периода часть памятников выполнена на арабском языке, на отдельных обломках сохранились лишь одно-два слова или просто буквы. Не выяснено, на каком языке были написаны эпитафии, о наличии которых известно лишь по сообщениям информантов, ибо надписи их со временем стерлись.

Нельзя упускать из виду и тот факт, что обработанные плиты были удобны для всяких строительных работ, хозяйственных нужд. В. Смолин (1919, 73), например, писал: "По словам крестьянина Дубова, в его участке прежде много находили писаных камней (особенно при его отце) Кроме того Дубов указал на свой погреб, сделанный из тесаных камней, найденных на его участке". Весь фундамент церкви Успения и колокольни в Булгарах сделан из надмогильных плит, несколько эпитафий находилось в фундаменте церкви с. Арбузов Баран Алексеевского р-на ТАССР, из них выкладывались дворы (Шпилевский 1880, 18), они применялись для устройства "запруды мельницы г. Чистова" (Пономарев 1893, 328), а иногда терялись, разбивались и т. д. (см. Ивнсков 1879, 113; Юсупов 1961, 45, 49; Булатов 1963, 56 и др.). Во время экспедиционных поездок лишь за последние годы приходилось слышать, что в с. Барское Енорускино Аксубаевского р-на ТАССР, например, уничтожено несколько десятков памятников (сейчас там осталось только 2), в с. Старые Савруши того же р-на две плиты с надписью заложили под насыпь дороги, в поселке Аксубаево плиты использовались под фундамент административного здания и т. д.

К сожалению, соблазн использовать эти своеобразные письменные источники для подкрепления зарождающихся идей слишком велик, в результате появляются необоснованные утверждения. "Только во второй половине XIII в. эпитафические памятники оформлялись на двух языках — или на чисто болгарском, или на чисто кыпчакском и, отчасти, на смешанном кыпчакско-болгарском, — писал Н. И. Егоров (1984, 99). — В самом конце XIII и в первой половине XIV вв. тюркоязычная часть текста эпитафий оформляется уже т о л ь к о (разрядка наша. — Ф. Х.) на болгарском языке". Такое предположение бездоказательно как в первой части, так и во второй. Чтобы удостовериться в ошибочности этого утверждения, достаточно взглянуть на "Приложение" настоящей работы — и в первой четверти XIV в. и в дальнейшем памятники на тюркском э-языке (по терминологии Н. И. Егорова, — кыпчакском) продолжают функционировать.

В изучении эпиграфических памятников Волжской Булгарии в лингвистическом плане определилось два комплекса проблем: 1) выяснение приемов графического выражения тюркской речи и чтение на этой основе р-язычных эпитафий; 2) анализ соотношения языковых образований разных типов письменных памятников.

О языке р-язычных памятников существует несколько исследований разного объема и характера (см. Аммария 1902, 71-105; Pritsak 1959; Benzing 1959, 691-695; Юсупов 1960, 66-98; Кона-Тав 1976, 153-186; Хакимзянов 1978 и др.), что позволило отказаться от обсуждения здесь проблем, связанных с ним. Отметим лишь основные гипотезы относительно этого языка, выдвинутые учеными. В сущности он признается болгарским (или гунно-болгарским), но затем это понятие осознается этногенетически: одними как древнечувашский, другими как разговорный татарский. В последние годы была выдвинута еще одна гипотеза, в основе

которой лежит признание р-язычных эпитафий памятниками хазарского языка. По мнению А. Г. Мухамадиева (1980, 124; Мухаммадиев 1981, 170-175), можно допустить, что "элементы клерикальной, ритуальной лексики из эпитафий второго стиля являются сохранившимися крупинками считавшегося не дошедшим до нас хазарского языка". Его же он называет "хазарско-булгарским" языком (с. 128).

На что же опирается автор, выдвигая такую гипотезу? Ведь о языке хазар конкретно ничего не известно, не считая, конечно, некоторых титулов, топонимов и антропонимов (см. Németh 1940, 217-226; Benzing 1959; Dabrowski 1975; Зэкиев 1977, 66-73; Golden 1980; Щербак 1982, 105-106 и др.). Аргументами автора в пользу хазарской версии языка эпитафий являются: а) временные границы памятников этой группы (80-е годы XIII в. - 50-е годы XIV в.) совпадают со временем распространения ортодоксальной исламской религии в Среднем Поволжье; б) некоторые слова в эпитафиях графически сходны со словами на монетах.

Для подтверждения своей идеи автор ссылается также на северокавказские рунические надписи. Но они не могут служить подтверждением хазарской окраски языка волжскобулгарской эпиграфики. Ведь известные науке надписи сами считаются памятниками то ираноязычных алан и касогов (Г. Ф. Турчанинов), то тюркоязычных алан (М. А. Хабичев), то протобулгар (В. А. Кузнецов, Е. П. Алексеева, Х. Х. Биджиев и др.). Исследователь языка рунических памятников данного региона С. Я. Байчоров (1977, 30) пришел к выводу о протобулгарском характере языка со следами д- и дж-диалектов, имеющих ротацизм⁴.

Что касается общих явлений в языке монет и эпитафий, то это - лишь кажущаяся общность. Автор, солидаризуясь с Г. Дерффером, интервокальное сочетание -й- (в слове كوان 'день') признает за ди́тонг -йя- или -йо-. Это же положение А. Г. Мухамадиев (1980, 133) распространяет и на начало слова - в результате, написание وان الطين 'шестнадцатый' он читает как uon woltīwī⁵. Однако ничем не обоснованные фонетические скачки (ср. др.-тюрк. kūn 'день, солнце' > булг. *kūān ~ *kūon > ср.-тюрк. и совр. тюрк. kūn // kōn // qun ...) выдаются за закономерность, перенос приема чтения диграф в середине слова на авлаут также ничем не оправдывается (если следовать этой методике, то следовало бы читать وان uap или wap, поскольку u=a, ū, o; l=a). Такая интерпретация, известная в науке как "наивная буквенная филология" (Амирова 1977, 116), игнорирует общие и частные фонетические закономерности.

⁴ Ср. с фактом наличия в волжскобулгарском языке т- и дж-диалектов

⁵ Здесь, видимо, типографская ошибка: второе слово следует читать altīwī.

⁶ А как быть тогда с формами ون // ون?

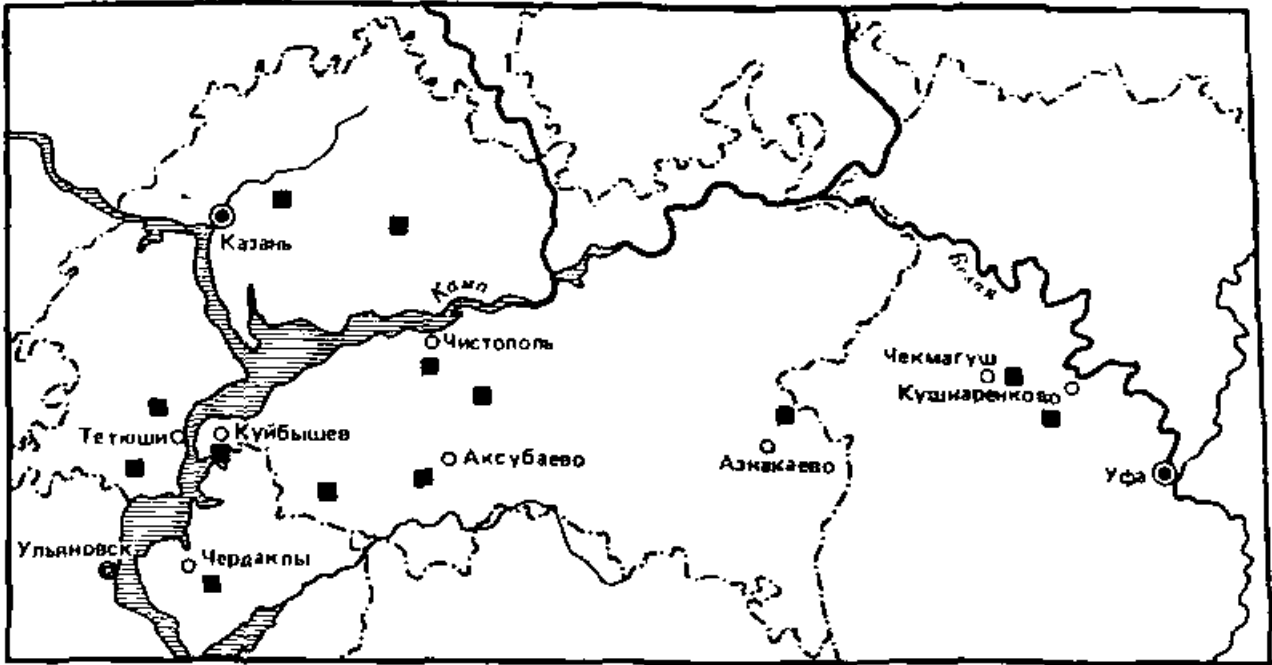
Такой прием применяется и при чтении написания **بولغار** 'Болгар' на монете, чеканенной от имени халифа Насыра. Нам, например, не известно ни одного источника, где бы название столицы государства было написано в виде Буолгар. Об этой форме на монетах в свое время писал Н. Ф. Катанов (1895, 36), читавший о, - как о (см. также: Хакимзянов 1978, 54). Такая графическая передача встречается лишь на монетах более раннего периода, когда еще сохранялись уйгурские традиции письма. Как яркий пример графической условности при приспособлении иноязычного алфавита к тюркской речи см. несторианские написания АОН (он 'десять'), АУД (уд 'корова'), КУИН (кун 'день') и т. д. (Джумагулов 1971, 145).

ИЗУЧЕНИЕ 3-ЯЗЫЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ

В начальный период изучения эпиграфических памятников Волжской Булгарии, когда надгробья рассматривались лишь в качестве историко-археологических памятников "Булгаро-хазарского царства", все внимание исследователей было направлено на фиксацию камней с надписями. В этом отношении характерны сообщения, отчеты и заметки членов Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. "На месте новой деревни Нижне-Никиткиной был древний болгарский аул. Есть следы старого кладбища с двумя писаными камнями ... в огороде Кузьмы Алексеева", - писал, например, П. А. Пономарев (1893, 328). Он же сообщал о наличии камней с арабской надписью в деревнях Дигитли, Букени, Дмитриевка на собраниях Общества (Пономарев 1886, 14-15). "На гумне у одного из крестьян есть несколько надгробных камней с надписями", "в сорока саженях от дороги... есть несколько могильных камней, один из них с надписью", - подмечал И. А. Износков (1880, 104-105). В то же время надпись более позднего периода он характеризует в языковом отношении и называет ее татарской (там же, с. 106). А в заметке П. Вознесенского (1894, 76) язык одной из эпитафий XIV в. назван "древнетатарским с небольшой примесью чувашского" (неизвестно только, чье это определение - его самого или же И. Ф. Готвальда, переводчика текстов).

Со временем, наряду с такими краткими информационными сообщениями стали публиковаться и сами тексты надписей, правда, без всякого объяснения. По мере накопления фактического материала и с усилением интереса к волжским булгарам у исследователей появилось стремление к языковому осмыслению текстов, в результате которого возникли варианты дешифровок, что, в свою очередь, породило необходимость объяснения отдельных лексем.

Х. Фейзханов (1863) положил начало исследованию болгарских стел как памятников языка. В течение нескольких десятилетий все внимание исследователей уделялось надмогильным памятникам со своеобразным р-языком: интерпретировались их тексты, отдельные слова сопоставлялись со словами современного чувашского языка. Поэтому долгое время было (да и ныне бытует) мнение о том, что памятники с р-языком яв-

ляются болгарскими (или древнечувашскими), а другие, заметно отличающиеся по языку - поздние, татарские. Между тем, в существовании этих двух групп памятников хронологического различия не наблюдается: обе группы функционировали в XIII-XIV вв. Различие только в том, что р-языковые памятники после XIV в. не обнаруживаются, а написанные "обычным" тюркским языком ставятся и позже.

Специальных исследований группы памятников с з-языком нет⁷. Видимо, надписи на них считались бесспорными и не вызывали никакого сомнения. Еще в начале XX столетия Н. И. Ашмарин определил язык некоторых текстов, списанных в 1722 году для Петра I, чагатайским: "Эта эпитафия на джагатайском наречии", "тюркские формы надписи принадлежат джагатайскому наречию" (Ашмарин 1902, 84, 94).

Ту же самую мысль повторил он и при рассмотрении текстов Г. Ахмарова, заметив, что "в этой эпитафии (если она списана верно) чувашские формы перемешаны с джагатайским" (там же, 97). Точно такого же мнения придерживался и Г. Газиз (Г. Губаидуллин), утверждавший, что одни болгарские камни написаны на арабском языке, другие - на языке наподобие чагатайского, а в третьих чагатайские формы смешаны с хазо-тюркскими (Г. 1922, L-L). Однако в подобных утверждениях наблюдается явный исторический анахронизм. Чагатайский язык как термин возник в XIV в. в западной части бывшего удела Чагатая, второго сына Чингиз-

⁷ Об изучении эпиграфических памятников Волжской Булгарии вообще и их языке см.: Юсупов 1960, 7-18; Róna-Tav - Podor 1973, 10-37; Хакимзянов 1978, 5-14.

хана, и как обработанный литературный язык сложился в XV в. Лишь после этого времени он мог оказывать какое-либо влияние (но не экспортироваться) на существующие литературные языки отдельных регионов. В XIII-XIV вв. (а, возможно, и раньше) на территории Волжской Булгарии, являющейся одним из культурных центров Золотой Орды, должен был функционировать локальный вариант тюркского литературного языка, который иногда называют болгарским литературным языком (см. Тенишев 1979, 88). К сожалению, до сегодняшнего дня некоторые языковеды некритически употребляют термин "чагатайский язык" - см., например, работу М. Р. Федотова (1984, 84), где он, ссылаясь на Н. И. Ашмарина, оправдывает применение этого термина. Конечно, такое утверждение можно было бы считать возникшим из-за неудачного применения термина, однако признание слов *oʻlli* 'его сын', *taḡuāsi* 'хранитель печати', *bolḡan* 'случившийся', *erdi* 'было' староузбекскими (чагатайскими) и игнорирование уточненного текста эпитафии позволяют говорить об обдуманности такой позиции.

В своих трудах, касающихся болгарских эпитахий XIII-XIV вв., О. Прицак называет язык рассматриваемой нами группы письменно-тюркским литературным языком или тюркским мусульманским литературным языком огузо-кыпчакской чеканки; он четко разделяет эпитафии на написанные "гуно-болгарским" языком и огузо-кыпчакским литературным языком (Pritsak 1955, 9; 1959, 308).

Б. А. Серебrenников также отмечал, что "языки первой и второй серии эпитахий являются совершенно разными языками, один из которых принадлежит камским булгарам, а другой представляет древне-татарский язык" (1956, 73). Под термином "древне-татарский язык" он, очевидно, имел в виду старотатарский литературный язык, так называемый поволжский тюрк.

С. Е. Малов (1947, 40) язык этих памятников считал литературным тюркским среднеазиатским языком. Исследователями была отмечена непоследовательность С. Е. Малова в вопросе соотнесения какого-либо памятника с тем или иным тюркским языком (см., например: Фазылов 1975, 65), выявляющаяся прежде всего в терминологическом разнообразии: одни и те же памятники в различных публикациях он называл то среднеазиатским тюркским языком, то чагатайским, то тюркским языком Центральной Азии, то тюркским языком Средней Азии, то среднеазиатским турецким языком, то тюркским й-языком (с запада) и т. д. Поэтому трудно определить сущность термина "среднеазиатский литературный тюркский язык" в отношении эпитахий Волжской Булгарии. Только учитывая то обстоятельство, что такие историко-литературные памятники, как "Мухаббат-наме" Хорезми, "Кутадгу билиг", ярлык Токтамыша и Тимур-Кутлуга, считались им старочагатайскими, можно предположить чагатайское понимание и языка части эпиграфики волжских булгар.

Несколько иную точку зрения имеет Г. Т. Тагирджанов. По его мнению, архаичный болгарский язык с элементами р, л, м (вместо з, ш, н)

в эффиксе порядкового числительного в результате скрещивания с языками соседних тюркских племен (хазар, огузов, печенегов, кыпчаков и др.) трансформировался в болгарский язык обдетюркского типа; этому способствовало также распространение арабского языка в школах и чтение арабских религиозных текстов. Данный процесс происходил до XI в. "В результате получила широкое распространение традиция I стиля писать тексты надгробий почерками сульс, насх или вязью на литературном языке с элементами болгарского языка... Язык эпитафий I стиля возник на огузо-кыпчакской диалектной основе и в XI веке стал литературным языком для болгар" (Тагирджанов 1970, 57-58)⁸. Тут, конечно, можно было бы и согласиться с такой трактовкой вопроса, приняв положения о скрещивании языков и диалектной основе за неудачное употребление терминов. Но вот в других работах говорится об отдельных лексемах памятников данной группы, весьма близких к татарскому литературному языку, как о свидетельстве изменения болгарского языка (Тагирджанов 1975, 153; 1979, 31). Раз при взаимодействии языков произошла контаминация (но не скрещивание), и будем считать, что в данном случае на фонетическом уровне контаминированным оказался болгарский язык⁹, который затем, с XI в., стал выступать в качестве литературного языка, то он никак не мог быть на огузо-кыпчакской диалектной основе.

Говоря о волжско-болгарских эпиграфических памятниках, нельзя забыть ту огромную работу, которую проделала Комиссия по болгаро-татарской эпиграфике, созданная Научно-исследовательским институтом татарского языка, литературы и истории (ныне - ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР), по выявлению памятников старины и их фиксации. В письменном отчете Комиссии зафиксированы суждения ее председателя Н. Ф. Калининна о языке так называемых памятников I стиля. По его мнению, их язык следует считать "литературным языком того времени, каковым для Нижнего и Среднего Поволжья XIII-XIV вв. может считаться тюрко-кыпчакский язык с сильными элементами арабизма" (Калинин 1942, 34-35). То же самое повторил он и в своем докладе на сессии Отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР (Калинин 1948, 104).

На той же сессии выступили Л. З. Залий и А. Б. Булатов, у которых чувствовался одинаковый подход к языку памятников. Л. З. Залий (1948, 84-85, 88) о языковой принадлежности двух групп памятников отдельно не высказывался, однако из его тезиса об этапах формирования татарского

⁸ Подробнее о стилях эпиграфических памятников см.: Калинин 1948, 96-104; Юсупов 1960, 42.

⁹ Коль произошли переходы $p > z$, $l > ш$, $m > н$, то тут не может быть и речи о скрещивании. Главным условием для возможности языкового смешения является генетическая близость языков (подробнее см.: Серо-ренников 1980, 65).

языка можно сделать вывод о принадлежности всех памятников болгарскому языку на уровне его диалектов, на основе которых в конечном счете сформировался татарский язык. Это были соответственно суварский (с х-признаком: тохир 'девять') и булгарский (с к-признаком: тукуз) диалекты (Делэй 1954, 75). Того же мнения придерживался и А. Б. Булатов: "Казанский татарский язык является прямым продолжением болгарского языка..., суваро-булгарские диалекты были близки к современному языку казанских татар" (1948, 142). Как видно из приведенных высказываний, оба ученых считали все эпитафии памятниками татарского народно-разговорного языка. Такой же точки зрения придерживается У. Ш. Байчура (1979, 262-267).

Если Л. Э. Заляй и А. Б. Булатов называли эти предполагаемые диалекты суварским и булгарским, то М. З. Закиев, не называя их, пишет: "Булгарские эпитафии говорят о существовании в ту пору в Болгарском государстве двух тюркских диалектов, весьма сильно отличающихся друг от друга. Один из диалектов относится к обычной огузо-кыпчакской группе и стоит очень близко к современному татарскому языку... Второй диалект на эпитафиях стоит между современными татарским и чувашским языками" (1977, 98). Таким образом, интересующая нас группа эпитафий оказывается написанной обычным тюркским языком (точнее, в нем отражен разговорный язык общетюркского типа) с огузо-кыпчакскими чертами.

Велики заслуги Г. В. Юсупова в развитии болгароведения, именно благодаря его деятельности мы имеем дешифровки множества памятников XIII-XIV вв. Он дал относительно подробное исследование с локализацией памятников, классификацией и некоторыми сведениями о языке надписей (подробнее о нем см.: Фахрутдинов 1975, 17; Хакимзянов 1978, 10). Развивая дальше идею Н. Ф. Калинина о двух стилях эпиграфических памятников Волжской Булгарии, он вначале называл язык надписей I и II диалектами (Юсупов 1956, 52), а затем - новобулгарским и древнебулгарским. О хронологическом несоответствии последних нам уже пришлось выступать в печати, здесь же мы остановимся на суждениях Г. В. Юсупова о языке так называемых памятников I стиля, написанных на новобулгарском языке. Естественно, он резко отличается от древнебулгарского языка, главным образом, фонетическими чертами. Этот факт натолкнул автора, точно так же, как и некоторых других исследователей, на идею о смене одного языка другим, близкородственным ему. "Обзор языка памятников I и II стилей указывает на существование некогда у болгар двух последовательно сменявших друг друга языков - древнебулгарского и новобулгарского, - принадлежавших одному, единому в социально-этническом отношении народу: волжским болгарам. Последнее убедительно доказывается наличием на одних и тех же кладбищах камней I и II стилей" (Юсупов 1960, 68). Оказывается, на новобулгарском языке написаны литературные памятники болгарского времени, например "Нахдж ал-Фарадис", "Кисса-и Лусуф" (там же, с. 68).

Даже соглашаясь с последним положением (не принимая во внимание терминологическое несоответствие), можно обнаружить явно противоречивые явления. Ряз новобулгарский язык имел статус литературного (эти памятники написаны на кипчакско-грузском литературном языке¹⁰, в чем никто не сомневается), то и древнебулгарский был литературным языком. А как же быть тогда с заявлением о языке племени и народности, о диалектных различиях и т. д.? Как объяснить одновременное употребление этих "сменивших друг друга" языков, чем вызвано написание эпитафии отца на одном, а сына - на другом языке? Чтобы ответить на эти и другие вопросы необходимо систематизированно изучить и язык памятников с э- признаком.

10

Иногда для поволжского ареала его называют поволжским тюрки или старотатарским литературным языком, но суть не в этом.
